

Г.Н. ПОТАНИН КАК ЭТНОГРАФ И ФОЛЬКЛОРИСТ

Поистине выдающееся место среди исследователей Центральной Азии занимает Григорий Николаевич Потанин (1835-1920 гг.). Научной общественности известны десяток его результативных путешествий по самым неизведанным и загадочным уголкам Центральной Азии. Кроме географических описаний и путевых заметок, он оставил огромное духовное наследие, зафиксировав сотни образцов легенд, преданий, сказок и других видов устного творчества тюрко-монгольских народов. По подсчетам Н.С. Смирновой наследие Г.Н. Потанина только по казахам и применительно к Казахстану составляет примерно 75 печатных листа т.е. 1,5 тыс. страниц бумаги. Только в двух выпусках II и IV/ «Очерков Северо-Западной Монголии» было опубликовано этнографических материалов общим объёмом 74 печатных листа: «всего 222 сказки, легенды и предания, часть с вариантами /323 варианта к разным текстам/» (10, с. 14). Следует также отметить, что большинство этого материала было записано им впервые из уст сказителей и представляет собой уникальное сокровище.

Свой жизненный путь Г.Н. Потанин начал с села Ямыш, что находится ныне на территории Павлодарской области Республики Казахстан в 1835 году 22(21) сентября. Его отцом был один из известных казачьих офицеров Сибирского войска Николай Ильич Потанин. В те годы он был начальником Баянаульского отряда и служил у ага султана этого округа Шормана Кучукова, отца Мусы Шорманова. Следовательно, благодатная земля этого края одна из истоков научного таланта и творческого взлета ученого (1, с. 15-17).

Интерес Г.Н. Потанина к этнографии народов Центральной Азии был унаследован им от отца. Нам известно несколько путешествий Н.И.Потанина, совершенных еще в начале XIX века в составе различных дипломатических миссий в страны Востока. «Поездка Хорунжего Потанина /отец Г.Н. Потанина имел тогда чин хорунжего – Ж.А./ в Коканд, по сведениям, которые она даёт обстоятельствам, при которых была свершена, не утратила своего научного значения и в настоящее время отмечает Г.Е. Катанаев (4, с. 194).

С другой стороны та среда, где провел детские годы и вырос Г.Н. Потанин, была пионерской, т.е. в ней господствовал дух открытия, авантюризма и свершении.

Тяга на Восток жила в нем инстинктивно, она влекла его на путешествия в неведомые уголки Монголии, Тибета, Китая. В центре наблюдений Потанина был человек. Еще в Омском кадетском корпусе Григорий Николаевич Потанин дружил с Чоканом Валихановым рано умершим казахским этнографом. Офицером сдружился он в Омске с бурятом Пирожковым. Эта дружба с инородцем, несомненно, наложила на него отпечаток мягкости. Он глубоко заглянул в душу инородцев, которые у порога культуры сохраняют мировоззрение кочевника, и жизнь разноплеменных народов Центральной Азии была ему уже понятна и близка. Продолжительные путешествия могли, однако, удовлетворять в казаке с инстинкт кочевника. Он вкусил уже те древа знания, движение в пространстве шло у него параллельно с движением мысли, и в промежутках между путешествиями он всецело отдавался служению родному краю. Публицист, поборник образования, ученый Г.Н. Потанин всячески заботился о Сибири, во всем виден широкий размах натуры сибиряка. Он вносил всюду оживление в сонную провинцию. Исчезал Г.Н. Потанин, и снова спадал подъем: «С отъездом Потаниных, у нас (в Иркутске) точно все засыпает», говорили местные наблюдатели-современники. Веруя в историческую миссию России на Востоке, Г.Н. Потанин думал, что «вся площадь Центральной Азии, может быть, высылала дары Европе», что для России настал, следовательно, черед отдарить Азию, ибо долг платежом красен.

Пристальное изучение народной словесности убеждало Г.Н. Потанина в исконном культурном взаимодействии народов. Средняя Азия, Монголия была для него исходным пунктом. Там находил он материалы для решения вопроса о происхождении русского и западно-европейского эпосов. Он устремлял взор на Запад, пытаясь проникнуть за темную завесу международного культурного общения Азии и Европы на заре истории, чтобы отыскать там отголоски степного ордынского эпоса.

Интерес к народной словесности обнаруживается Г.Н. Потанина в годы учебы в Омском кадетском корпусе. Как пишет Г.Н. Потанин в своих «Воспоминаниях» интерес к Востоку был определен двумя обстоятельствами: «Во-первых, мой отец совершил до семи маршрутов, будучи казаком, один раз доходил до Ташкента и Кокана. Во-вторых, при мне поступил в корпус маленький киргиз, султанский сын, Чокан

Валиханов, сделавшийся впоследствии моим другом. Это был очень талантливый мальчик. Местное начальство стало смотреть на него, как на будущего путешественника или русского агента в Туркестане или Китае. Он очень много рассказывал о киргизском быте; его рассказы так меня увлекали, что я начал их записывать. Вскоре из его рассказов составила у меня толстая тетрадь. Чокан в это время еще плохо говорил по-русски и сам записывать не мог, но он умел рисовать, и иллюстрировал мою тетрадь изображениями киргизского оружия, охотничьих снарядов, кожаной посуды и т. п. К концу пребывания в корпусе Чокан начал серьезно готовиться к миссии, на которую ему указывали его покровители, читал путешествия по Киргизской степи и Туркестану, изучал историю Востока и так далее» (2, с. 36-49).

Впоследствии, когда Чокан был уже офицером, П.П. Семенов писал о нем в рекомендательном письме к своему дяде, как об удивительном молодом человеке, который, живя в глухой провинции, сумел приобрести громадную начитанность в литературе Востоке. То же самое можно сказать и о Г.Н. Потанине.

Г.Н. Потанин был непрерывным свидетелем занятий Чокана. Ему доставляли для чтения интересные книги по Востоку, и он делился ими со своими друзьями. Одновременно они прочитали путешествие Палласа в русском старинном переводе. Это было в высшей степени сенсационное чтение. Страницы этой книги перенесли друзей в уральские степи, на берега Яика и Иртыша. «От этих страниц пахло ароматом полыни и степных губоцветных; я, кажется, слышал крики летающих над рекой чеграв и ченур. Моя мечта о путешествии получила новую форму: Паллас мои морские мечты превратил в сухопутные, и, мало того, он приблизил их к той территории, где будет проходить моя жизнь и моя служба. Он опустил наши мечты на почву действительности, указал нам тесные географические рамки нашей деятельности, по крайней мере, для меня, если не для Чокана» – пишет Г.Н. Потанин.

Самостоятельные записи устной традиции Г.Н. Потанин начал с 80-х гг. XIX столетия. Во время пребывания в Елабуге в 1881 году он записал вотяцкие сказки. Но чем не известнее, чем таинственнее был народ, тем сильнее была у Г.Н. Потанина жажда узнать творчество этого народа, и «его «тянуло», – как он выражался, – поскорее увидеть интересное племя». Во время путешествия Г.Н. Потанин сталкивался

с бесчисленными народами, которые говорили на тюркском или монгольском языках, и он записывал народные сказки – бурят, калмыков, тунгутов, тибетцев, алтайцев, казахов, саларов и т.д., невольная поездка или встреча беспрестанно пополняла запас, – в примечаниях к этнографическим материалам он вскользь передает какую ни будь сказку, слышанную или от ингушей, или в годы ссылки в г.Никольск. ему охотно присылали записи и собиратели. Подвижность Г.Н. Потанин сохранял долго. В середине 90-х годов он был летом в Кокчетавском уезде Акмолинской области, а летом 1913 г. в Каркаралинском уезде Семипалатинской области и записывал у казахов сказки (6). Конечно, как ни богат уже опубликованный материал (занимающий тысячи страниц!), это только часть. Беглый просмотр материала, собранного в сочинениях: «Очерки северо-западной Монголии» и «Тангуты-Тибетская окраина Китая и Центральной Монголии (СПб. 1893), показывает, что при сборах Г.Н. Потанин руководствовался широкими взглядами. У него собраны и фантастические сказки и сказки из животного мира, легенды космогонические, предания топографические, песни. Он уделял большое внимание и преданиям историческим, в которых заключены намеки на происхождение и заселение народа. У него записаны в ряде вариантов эпические былины о Гэсэр-хане (отголоски которой Г.Н. Потанин настойчиво искал в русском былевом эпосе), Ирин-Саине – былина, совпадающая местами с шаманской мистерией о путешествии в подземное царство к Эрлику. Словом, в трудах Г.Н. Потанина представлена жизнь человека в народном творчестве о колыбели до могилы. Г.Н. Потанин пользуется всяким случаем, чтобы понаблюдать жизнь. Он смотрит просто на «некультурный народ», так быстро устанавливается доверие, и перед ним человек безбоязненно выкладывает душу.

Процесс собирания фольклорных материалов, неизменно одинаковый во время путешествий Г.Н. Потанина, раскрывается в письмах верного его друга – жены. «Вечером к нам приходил обыкновенно молодой урянхаец-сказочник. Наш переводчик, алтаец, передавал сказку по русский, а муж мой записывал ее», – пишет Александра Викторовна в 1879 г. из путешествия по северо-западной Монголии. «Комната у нас одна, а между тем нас посещают то и дело, окружающие нас монголы. Принимаемся чаевать то Гр. Ник. Старается по возможности выудить

из носителя что ни будь полезное для себя, какую ни будь легенду, историческое сведение или сказку» (из письма к Белоголовой). Опыты эти постоянно были удачны. Г.Н. Потанин умел ладить с людьми, он сам начинал, например встречному буряту легенды, и он говорил так искренно, как будто верил во все – в переселение душ, перевоплощенные божества и т.д.

Собирая памятники устного творчества, Г.Н. Потанин, уже в примечаниях (и даже в ранних рецензиях) систематизировал материал. Так, постепенно из него вырабатывался самоучка-исследователь. Он слушал лекции в Петроградском университете на естественном отделении. Он хотел, чтобы собрания фольклорные были также легко обозримы, как и коллекции натуралистические, и в своих личных интересах, – как говорит Г.Н. Потанин, – он начал делать эти примечания: «Я принялся сам за сопоставление найденных в степях Азии сюжетов с западными собраниями, чтобы поддержать в себе энергию при дальнейшем сборе фольклора. Иначе я потерял бы вкус к собиранию подобного материала» (3, с. 73). Но исследования устного произведения требовало предварительной сложной подготовки, иначе смелые гипотезы, построенные вне исторической перспективы, могли рассыпаться как карточный домик. Г.Н. Потанин иногда через, чур, смел и некоторые сближения и сопоставления у него необоснованные. Он подбирает параллели к некоторым мотивам, а потом устанавливает сходство между сюжетами. Недостатки эти велики, но они были очевидны и для автора. Г.Н. Потанин далек был от того, чтобы проповедовать непогрешимость.

Если метод исследователя иногда неприемлем, все же колоссальный труд, затраченный Г.Н. Потаниным, невольно заставляет преклониться перед неутомимостью исследователя. Начитанность его огромная, книги прямо загромождаются материалом. Он легко подбирает варианты или делает ссылки на монгольскую литературу, санкритскую, «Образцы народной литературы турецких племен» акад. В.В. Радлова, Э. Коскэна, Афанасьева, Драгомонова, Либрехта, Овдия и т.д.

По мере того, как материал, собранный Г.Н. Потаниным, разрастался, он высказывался решительнее. Начиная с 90-х гг. Г.Н. Потанин в ряде статей, печатавшихся преимущественно в «Этнографическом обозрении», настойчиво проводил мысль о значении тюрко-монгольских народов для истории эпоса. Он считал, что центрально-азиатские народы сыграли большую роль в пересадке эпоса с Востока на Запад (7, с. 129).

Таким образом, буддийские легенды, вошедшие в христианство и превратившиеся в апокрифы, проходили на Запад не одним только южным путем. Г.Н. Потанин допускал и другой путь – по северной стороне Каспийского моря, т.е. путь переселения кочевников Центральной Азии в степи Северного Причерноморья. Кочевники Центральной Азии, двигавшиеся в южную и восточную Россию, разносили всюду центрально-азиатский эпос. Так устанавливается сходство между эпосом Карла и эпосом Чингис хана, между сказаниями о Гэсэре с Илиадой и Одиссеей и т.д. Впрочем, Г.Н. Потанин предполагал еще альтернативу: или сходство проистекает оттого, что это общее достояние арийских и не арийских народов, или это тюрко-монгольское влияние. Эти колебания проглядываются в крупном исследовании Г.Н. Потанина «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» (М. 1899). В одном из последних трудов своем «Сага о Соломоне» (Томск. 1912) он настаивает на центрально-азиатском происхождении преданий о Соломоне. Здесь Г.Н. Потанин, между прочим, доказывает, что Соломон – только западное произношение имени Цолмон. В основе, стало быть, лежит североазиатский эпос о звезде Цолмон.

Особой оценки заслуживает «Программа по сбору и систематизации этнографических материалов». Необходимо признать, что оживление сбора этнографического материала среди казахов начинается с публикации этой «Программы» в «Дала уалаятының газеті» (8).

Г.Н. Потанин пользовался огромным авторитетом среди казахов и в особенности среди молодых интеллигентов начала XX века. В казахской степи ходили легенды об этом человеке. К нему часто приезжали А.Букейханов, А.Байтурсынов, М.Дулатов, С.Торайгыров и др. яркие представители национально-освободительного движения «Алаш». После встреч с молодым Магжаном Жумабаевым он сравнил его с Чоканом, считал, что юноша в будущем станет вторым Чоканом. А один из лидеров «Алаш» А.Ермеков впоследствии вспоминал, что казахи: «называли Г.Н. Потанина «печальником казахов». Ведь Потанин давно и постоянно проявлял интерес к инородцам, знал их быт, нравы и всячески способствовал сохранению самобытной культуры».

До конца своей жизни Г.Н. Потанин сохранил трепетное отношение к Иртышу, на берегу которого он родился и вырос. В 1877 году во время путешествия в верховья Иртыша он пишет: «эта местность,

где мы живем, настоящая родина человека. Здесь возник первый культ [солнца]. Реки здешние представлялись первым людям материнскими лонами, отцов они видели в горных вершинах. Рай Адама и Евы, я теперь уверен, находился в верховьях Иртыша...» (9, с. 76). В многочисленных трудах зрелого Потанина мы встречаем конструкцию фактов, подтверждающую существование в Центральной Азии в древности мощного источника евразийского эпоса. В книге «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» (М, 1899) развивая концепцию о центрально-азиатском происхождении не только европейского эпоса, но и сказаний о Христе он пишет: «пренебрежение ученых к степным народам задерживает развитие науки...установлению правильных взглядов... мешает наше арийское высокомерие, ложная историческая перспектива... и несмелость мышления, поработанного рутинными взглядами и рутинными верованиями».

Таким было его основное кредо в науке. К сожалению, в наши дни оно остается еще гипотезой, требующей доказательств и популяризации. Правда, кое-кто и в наши дни в своих целях удобно эксплуатируют эти великие идеи великого патриота Центральной Азии, т.е. борьба продолжается.

Источники и литература:

1. Арын Е.М., Артыкбаев Ж.О. Жизнь и деятельность Г.Н. Потанина //Потанин Г.Н. Избранные сочинения в трёх томах. Т. 1. Путешествия, воспоминания и письма. Павлодар, 2005. с. 15-87.
2. Валиханов Ч.Ч. Сочинения. СПб., 1904. /Под. ред. Проф. Веселовского/. с.XVI.
3. Горлевский Вл. Г.Н. Потанин как народословесник //Этнографическое обозрение. 1915. № 3-4.
4. Катанаев Г.Е. Н.И. Потанин и его русские предшественники по разведкам в киргизских степях и в Средней Азии //Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия по описанию Хорунжего Н.И. Потанина. Омск, 1878. с. 192-203.
5. Потанин Г.Н. Воспоминания //Литературное наследство Сибири. Т.6. Новосибирск, 1983.
6. Потанин Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича /из поездки в Кокчетавский уезд/. //Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений.

- В 5-ти томах. Т. 5. Алма-Ата, 1985. с. 314-315; Потанин Г.Н. На притоке реки Тоқырау //Доклад, прочитанный в собраниях ЗСО-ИОГО. Сибирская жизнь, 1914. №35, 82, 83, 86.
7. Потанин Г.Н. Происхождение Христа //Сибирские огни, 1926. №4
 8. Потанин Г.Н. О необходимости собирания произведений народного творчества у киргизов //Дала уалайаты газет /Киргизская степная газета/. Литературные образцы: 1884-1894 гг. Алматы, 1989. с. 555-575.
 9. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествий исполненного в 1876-1877 годах по поручению Русского географического общества. //Изд. РГО, СПб., 1881. Вып. 1